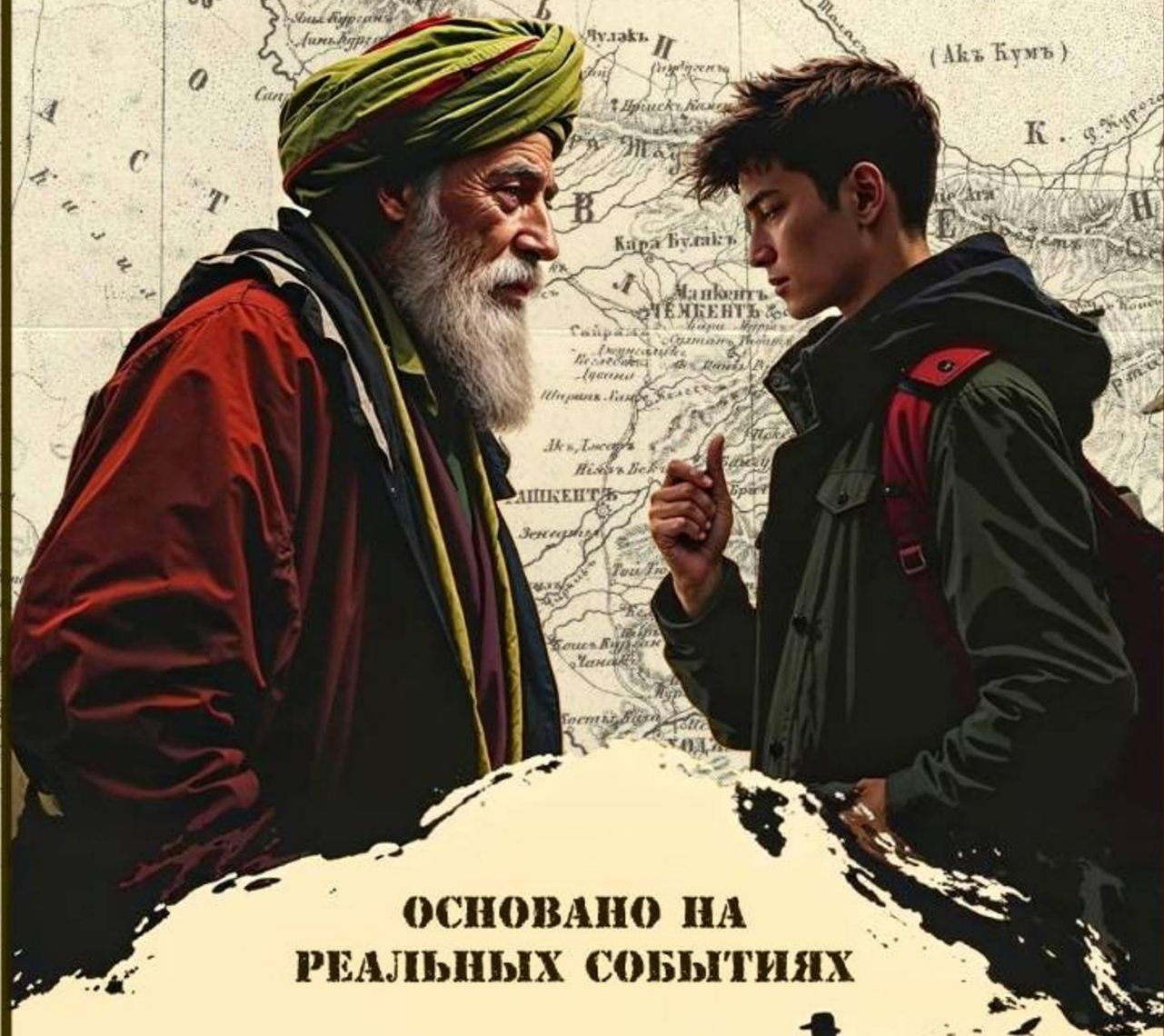

АНДРЕЙ ТРУШКИН

МОЙ НЕПУТЕВЫЙ ДЕДУШКА

ОСНОВАНО НА
РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

АВАНТЮРА

Андрей Трушкин

Мой непутевый дедушка

«Автор»

2025

Трушкин А.

Мой непутевый дедушка / А. Трушкин — «Автор», 2025

Многие удивительные события начинаются с мелочей. Однажды ученик московской школы Васька Буслаев заметил, что из квартиры его деда пропал казалось бы никому не нужный снимок. Расследование загадочного происшествия приводит к тому, что Васька понимает: его дедушка не тот, за кого себя выдавал... Более того – непутевый родственник пропал. Цепь странных, вначале необъяснимых событий, вовлекает Ваську и его друзей в процесс сбора и анализа улик, допросов и логических построений. А выводы ошеломляют: цель преступников похитивших снимок – поиски богатейшего, до сих пор не обнаруженного, клада эмира бухарского. Чтобы найти и схватить преступников подросткам пришлось разгадывать сложнейшие головоломки, принимать участие в погоне, уходить от слежки, выигрывать интеллектуальные поединки с бывшими сотрудниками русской и английской разведки...Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно. Книга входит в авторскую серию "Авантюра".

© Трушкин А., 2025

© Автор, 2025

Андрей Трушкин

Мой непутевый дедушка

Васька, перешагивая через две ступеньки, поднимался по лестнице на третий этаж. Конечно, по уму, ему бы лучше было вызвать лифт – сумку, которую он нес на плече, легкой нельзя было назвать даже с большой натяжкой. Но, отдуваясь и на каждой лестничной площадке поудобнее определяя ее на плече, Васька упорно тащился вверх – тренировал мышцы.

Наконец-то дед смылся в свой санаторий, куда грозился уехать уже полтора года, и теперь у Васьки образовалась неделя-другая для того, чтобы как следует отдохнуть перед экзаменами.

Родители, конечно, отпустили его со скрипом. Но за оставленной квартирой ведь нужно кому-то присматривать? А кому охота было ехать на дедово лежбище, где в его отсутствие требовалось соблюдать строжайший порядок, да и привычных вещей под боком не было... Папане, когда он оставался сторожить квартиру, то галстук требовался, то какие-то бумаги и он мчался домой, как наскипидаренный, мамане – ее косметика жизнь портила. В прошлый раз она так папаню запилила, что он среди ночи за каким-то ночным кремом газанул. Так что кроме как Ваське ехать на житье к деду никому не хотелось.

К тому же Васька успел утром талантливо провести охмуреж первой степени:

– Мам, хочешь, чтобы я девятый класс без тройбанов закончил? Чтобы в путягу не пошел? Ну? Так надо ребенку в тишине и спокойствии алгебру помучить или нет?

И вот теперь, пыхтя и сопя, как паровоз на пенсии, Васька тащил на третий этаж сумку набитую продуктами, пепси-колой и сигаретами.

Дело было в том, что Васькины друзья уже давно пасли квартиру его деда, чтобы оттянуться как следует. И вот час настал! Пробил! Сегодня вечером Васька собирался принять в трехкомнатном бунгало деда полкласса и еще двух знакомых девчонок из соседней школы. А алгебра, что она алгебра? Она две тысячи лет, между прочим, алгебра. Ждала раньше, подождет еще. Вот только сбросить напряжение, а потом...

Отдуваясь, Васька остановился перед дверью и опустил сумку на пол. Ее содержимое зашуршало и призывно звякнуло. Васька покосился на дверь соседки. Настучит – не настучит? Решив, что пенсионерка Анна Федоровна, которой кроме как присматривать за жизнью соседей, делать особо было нечего, настучит деду обязательно, Васька стал отпирать квартиру.

Ну и пусть! В конце концов, у него с дедом взаимопонимание еще то! Он же, уезжая, не дает наказа вечеринки не проводить. В карты играть, курить, вино пить и девушек трогать со всей своей партийной прямоотой не рекомендует. А насчет вечеринок разговоров никогда не было...

Васька открыл два сложных замка и, подмигнув маленькому красному огонечку, мерцавшему в микроскопической дырочке, просверленной в дверной коробке, быстро прошел в прихожую. Он бросил сумку на половик и, не разуваясь, двинулся к телефону.

Дед, вероятно, боялся за судьбу своей коллекции восточных редкостей и потому обзавелся спецсигнализацией, которая подключалась на милицейский пульт. Стоило кому-нибудь войти в квартиру и тут же не позвонить по секретному телефону и не назвать код, как уже через пять минут в прихожей объявлялись крепкие ребята в камуфляже.

Васька подгрел к себе телефон.

– Алло, пост? – вежливо осведомился он. – Рига сто десять. Да, все в порядке. Граница на замке.

Васька плюхнулся в кухне на табурет и принялся разбирать сумки. Ветчина, помидоры, огурцы, колбаса, шпроты, черный хлеб, белый хлеб, кокосы... И все ради чего? Оливки с пер-

цем, кока-кола, лечо... А все ради того, чтобы пришла Ленка... Сыр, спрайт, салат... А она возьмет и не придет, с нее станется...

Тяжело вздохнув, Васька распахнул добычу по холодильнику и набулькал из двухлитровой бутылки в стакан кока-колы.

И ведь что за штука такая странная – любовь? Вот так живешь-живешь, горя не знаешь и вдруг – ба-бах! – Она! Сердце прыгает, как теннисный мячик, в груди словно тает большая сладкая карамель и...

Проглотив газировку залпом, Васька подгреб к себе телефон:

– Алло, Рентген? А Рентгена можно? То есть Мишу, я хотел сказать...

...И все, что занимало тебя в этом мире, размывается, проваливается в тартарары, и ничего уж не нужно больше – ни сидения на скамейке с приятелями, ни боевиков по виду, ни компьютерных игрушек... Торчишь целый день, как Прометей прикованный, у телефона – а вдруг она позвонит? а вдруг позвонит?

– Рентген? Ну что – хата в порядке. Конечно, молоток. Я уже и жратвы накопил. Но пиво там и всякое другое – за вами. Обзвони всех, я пока в квартире приберусь. Куда идти, надеюсь, помнишь?

Но Ленка никогда не звонила. Да-а, не зря он прочитал как-то у одного классика: «Любовь – страшное дело, остерегайся!»

Вооружившись веником, Васька накинута на ковер в гостиной. Но сколько ни шуровал, ни одной пылинки ему вымести не удалось. Дед всегда был аккуратистом, и это было его слабым местом. Васька скептически оглядел протертые до блеска стекла в серванте и книжных шкафах, чистенький светлый паркет, аккуратный ворс ковра и с тоской подумал, как трудно будет после вечеринки привести это в соответствие. Но дело того стоило, потому что...

А вдруг она не придет?!

Васька остановился перед зеркалом и критически посмотрел на свое отражение. Русые взлохмаченные волосы, рыжеватые брови, длинные, почти девчоночьи ресницы, нос картошкой. Глаза коричневые, каурые, как называл их дед, вроде ничего. Подбородок мог бы быть, конечно, помужественней. А вот взгляд – забитой собаки, круги под глазами – тьфу! – до чего он дошел!

А вдруг она не придет?! Нет, не может такого быть. Рентген позвонит сейчас Кальсону, тот – Баксу, Бакс все расскажет своей Кочерыжке, а Кочерыжка – самая близкая Ленкина подруга.

Потеряв надежду убить время до вечера с помощью уборки, Васька подошел к книжной полке. Стояли тут в основном книги по истории и искусству Средней Азии и Ближнего Востока, попадались тома на арабском. Один раз Васька нашел у деда какие-то старые кассеты и закатал на них «Металлику». Что потом было! Оказалось, он стер запись проповедей какого-то жутко ученого дервиша...

Да, надо будет объяснить этим кабанам – Баксу и Кальсону, что изразцы на стенах – это не то, что плитка в ванной – им чуть не тысяча лет. А кинжалы со стен надо, наверное, убрать. Еще надумают их в паркет метать...

Скользя пальцем по корешкам книг, Васька читал названия и хмурился – нет, не дорос он еще до постижения серьезного искусства. И вдруг палец Васьки остановился, а сам он остолбенел. На полочке, как обычно, в самодельной рамочке стояла старая фотография бабушки. Но ведь дед никогда, ни-ког-да! – не уезжал больше, чем на два дня без того, чтобы не взять этот снимок с собой. Выходит, либо дед не поехал ни в какой санаторий, либо он забыл фото и на ближайшей станции сойдет с поезда на юг и вернется домой! Представив, как дед открывает своим ключом дверь в самый разгар вечеринки, Васька аж зажмурился.

Надо срочно звонить домой – прояснять ситуацию!

Васька отстучал на кнопках телефона маманин рабочий номер.

– Мам, это я, – сразу перешел он к делу. – Слушай, а ты точно уверена, что дед в санаторий поехал?

– Конечно, – удивилась мама. – А чего это ты, Василий, забеспокоился, а?

– Да тут понимаешь, – засомневался Васька говорить правду или нет и решил ограничиться ложью во спасение: – Голова страшно болит, хотел поспать лечь, а дверь на засов закрыть. Ну, а вдруг дед приедет? Ты же знаешь, я, как полярник на станции, сплю...

– Я что-то не пойму – а с чего ты решил, что он нагрянет? – нетерпеливо перебила его мама.

– Да потому что он фотографию бабушки дома забыл!

– Ну, знаешь ли... – сделала паузу мама. – Видишь ли... Может быть, он в санаторий поехал не один...

– Как это не один?! – возмутился Васька. – Он уже не в том возрасте!

– Много ты понимаешь! – прикрыла трубку рукой мама. – И вообще – это не совсем твое дело. Дедушка уж как-нибудь без тебя разберется!

– Ладно-ладно, – сдался Васька. – А куда он все-таки поехал?

– Понятия не имею, – призналась мама. – Ты же знаешь – он всегда темнит. Позвонил мне, сказал, что неделю-другую будет отсутствовать, отдохнуть, мол, решил, здоровье поправить. И вообще – не приставай ко мне – дел невпроворот! Не забудь поужинать и за книжками долго не сиди!

Повесив трубку, Васька почувствовал укол совести. За книжки-то он как раз садиться и не собирался.

Нет, ну а дед, каков? Хоть бы слово ему сказал. Вот жучила!

Гости начали подгребать к семи вечера.

Первым примчался Рентген и тут же предложил покурить.

Стоматолог пришел со своей новой девушкой, которая тихо, как мышка проскользнула на кухню и тут же застучала ножом, нарезаая салат.

Не успел Васька мысленно порадоваться за Стоматолога, как в квартиру ввалились Кальсон и под ручку с ним Кармен.

Ленки с ними не было.

Четвертая партия состояла из изрядно нагрузившегося Князя, Глобуса, Жевастика, Пудры и Мамы.

О Ленке никто не обмолвился и словом.

Конечно, у всех из ребят и девушек были нормальные имена – Петя, Света, Ира, Костя, но ими в школе никто не пользовался, предпочитая приобретенные тем или иным способом клички. Так, например, Рентгену приклеили кличку из-за темных очков, которые он носил по настоянию мамани, опасавшейся вредного воздействия солнечных лучей на глаза чада.

Стоматолог еще с младших классов посещал секцию бокса в спортивной школе и в драках выбил не один десяток зубов, Кальсон – был внуком генерала, Кармен однажды экспрессивно расцарапала лицо своей сопернице, Князь как-то упал лицом в грязь. Пудра любила обманывать, то есть, попросту говоря, пудрить людям мозги, Жевастика никто не видал без жевательной резинки, Мама держала в страхе всю женскую часть местной дискотеки, где заставляла проходить девчонок обязательную процедуру «прописки». Глобус перестал быть Мишей из-за своей комплекции, Бакс имел неосторожность родиться в семье преуспевающего бизнесмена, а его подружка Кочерыжка как-то не вовремя отрезала косу, отчего голова ее и в самом деле стала напоминать капустную кочерыжку... Было прозвище и у Васьки. Однажды он подрался с местной школьной шишкой – Гоблиным и сумел расквасить ему нос. За такой геройский подвиг его фамилия, созвучная фамилии легендарного русского богатыря – Буслаев, чуть укоротилась и стала звучать как «Буслай».

Только у Ленки не было клички. Несколько раз ей пытались приклеить разные варианты, но она их гордо игнорировала и оставалась, как и была – Леной.

Ленка-Ленка, придешь ты, или нет?

Васька устало прикрыл глаза. И вновь перед ним стояла Ленка – она, казалось, глядела на него изумрудными глазами, поправляла каштановую челку и улыбалась, отчего симпатичная ямочка появлялась на ее левой щеке...

Пока девчонки мучили на кухне продукты, а парни настраивали принесенный с собой видеомаягнитофон, Васька вертелся у телефона. Когда тот зазвонил, Васька оказался у трубки первым.

Это были Бакс и Кочерыжка. Они зависли на какой-то презентации в ночном клубе и, как можно было догадаться, вылезать оттуда не очень-то хотели.

У Васьки упало сердце – значит, Ленке никто не передал, что у него сегодня намечалось. Раздумывая – звонить Ленке или нет, Васька дефилировал вдоль прихожей.

Вдруг задребезжал звонок, и Васька, торопясь, распахнул дверь. Если бы он догадался посмотреть в дверной глазок, то, наверное, так бы не спешил. Перед ним стояла Анна Федоровна – соседка деда по лестничной площадке.

– Здравствуй, Василий! – общупала она цепкими глазками прихожую за Васькиной спиной. – А где дедушка?

– Уехал на несколько дней, – признался Васька.

– Да-а? – картинно удивилась Анна Федоровна. – Вот ведь беда какая! А мне нужно у него одну вещь забрать...

– Какую? – хмуро поинтересовался Васька. – Я сейчас ее найду.

– Да я сама, сама, – бочком протиснулась в коридор Анна Федоровна.

Ваське, конечно, не хотелось, чтобы она сейчас шастала по квартире, примечая полузатусненные бычки, распаханные по цветочным горшкам, пустые жестянки из под пива и смелые девчоночьи наряды, но было уже поздно – Анна Федоровна прошмыгнула в гостиную.

Махнув на это рукой – после того, как Васька понял, что Ленка не придет – ему было все равно что тут происходит, он поплелся на кухню.

– А почему у вас дверь открыта и меня никто не встречает? – донесся до него – самый красивый на свете – Ленкин голос.

Еле скрывая на своем лице глупую, но радостную ухмылку, Васька бросился в прихожую...

Вечеринка прошла так же бестолково и сумбурно, как и многочисленные предыдущие мероприятия того же рода. Вначале девчонки, агрессивно отгоняя парней от нарезанной колбасы и ветчины, готовили бутерброды. Потом всей компанией весело поглощали еду, приправляя ее анекдотами. Ближе к вечеру все разбрелись по разным углам – Кальсон и Стоматолог спорили о политике, Пудра и Мама листали какие-то модные журналы и вяло обменивались новостями, Рентген и Глобус крутили по виду что-то не совсем приличное, Кармен, Ленка, Васька и Жевастик танцевали.

Постепенно, один за другим, ребята и девчонки стали расползаться по домам. Первыми отчалили Стоматолог со своей девушкой, которой уже прилепили кличку Мышка. Растворились, словно их и не было, Пудра, Мама и Жевастик. Оставшаяся часть компании, прихватив с собой Кармен, удалилась «за добавкой», да так и не вернулась.

Когда Васька очнулся на диванчике, где он прикорнул, было уже одиннадцать часов вечера. На кухне кто-то гремел тарелками и кастрюлями. Васька протелепался на кухню и увидел там Ленку, которая складывала в мойку грязную посуду.

– Да, Василий Алибабаевич, это тебе за весь завтрашний день не перемыть, – обернулась она к шутившемуся от яркого света хозяину.

– Я не Алибабаевич, – обиженно буркнул Васька. – Да ты брось, я завтра сам.

– Неудобно как-то получается, – пожалла плечами Ленка. – Мы тут развлекались, а разгребать все тебе. Ну, да ладно, теперь только посуду помыть осталось. А сейчас – можно я позвоню? Мне домой пора.

Ленка прошла в прихожую, а Васька грохнул на плитку полный чайник. Все-таки здорово, что он устроил сегодня эту вечеринку. А Ленка молодец – на него всю эту помойку не бросила...

Сквозь шум закипающей воды Васька слышал, как Ленка говорила с кем-то на повышенных тонах, а потом зло впечатала трубку в аппарат.

– Ты чего? – подошел к ней Васька. – Случилось что-то?

– С предками поссорилась, – нахмурилась Ленка. – Отец говорит – не пойду тебя встречать, мать в слезы: ты нас совсем не любишь, нам завтра рано вставать на работу, а ты... Ну, слово за слово поцапались.

– Ну, давай я тебя провожу, – робко предложил Васька.

– Сначала нужно выяснить куда, – достала Ленка из своего полиэтиленового пакета записную книжку.

Пока Ленка обзванивала подружек, Васька слонялся по квартире.

А может предложить Ленке остаться у него? Есть, конечно, в этом некоторая двусмысленность, но он ведь ничего плохого не хочет. Какая ей, в конце концов, разница – ночевать здесь или у подружки?

В сомнении потирая подбородок, Васька несколько раз прошелся мимо книжных полок. Каждый раз, совершая в конце комнаты поворот, он испытывал какое-то странное чувство, будто что-то то ли в нем самом, то ли в окружении было не в порядке. Чувство тревоги становилось все сильнее, и Васька от этого даже остановился на месте и огляделся. Да вроде бы все в порядке. Разве что кто-то пролил пепси-колу на пол и ноги к паркету липнут. Ну, а бычки он завтра уберет...

Стоп! – замер Васькин взгляд на книжном шкафу. – А где фотография бабушки?!

Но не успел Васька сделать и двух шагов к книжному шкафу, как его позвала Ленка.

Она по-прежнему стояла в коридоре и, поджав губы, расстроено теребила свою записную.

– Слушай, – виновато посмотрела она на Ваську. – А можно у тебя переночевать? Домой я сегодня все равно не пойду, а у всех, как на зло, либо телефон на ночь отключен, либо какие-то проблемы. Только ты... Ты в школе завтра... не растреплешь?

– Что я – идиот что ли? – с огромным трудом скрыл Васька чувство, которое чуть не подбросило его до потолка и не заставило там, подобно мухе, вверх ногами, плясать тарантеллу. – Ляжешь в гостиной, там, правда, накурено, но меньше, чем у меня в комнате.

На кухне призывно засвистел чайник, и Васька с Ленкой двинулись заваривать чай.

В два часа ночи Васька проснулся от кошмара. Ему приснилось, что бабушкину фотографию украли какие-то злоумышленники и один из них – поразительно похожий на Гоблина, рвал ее на мелкие части, бросал в мусорное ведро и громко хохотал над Васькой, который, корчась, пытался избавиться от связывающих его веревок.

Васька сел на кровати и потер лицо руками.

А в самом деле – где же бабушкина фотография?!

Вчера он не увидел ее на привычном месте... Скорее всего, когда они танцевали, шкаф чуть раскачивался, и фото просто упало вниз – на первую полку.

Конечно, иначе и быть не могло. Кому мог понадобиться этот снимок? Ну, в крайнем случае, его могла взять Пудра – ей всегда до всего есть дело, и поставила в другое место...

Ваське ужасно захотелось немедленно убедиться, что фотография никуда не пропала. Он решительно откинул одеяло в сторону и двинулся в гостиную. Однако, открыв дверь, застыл на месте. Ну, этот сон совсем у него память отшиб. У него же Ленка ночует!

Васька заглянул в комнату, посмотрел на мирно сопящую под пледом Ленку и так и не рискнул зайти. Во-первых, он был в трусах. А, во-вторых, мало ли что Ленка подумает. Еще решит, что он к ней решил пристать.

Аккуратно притворив дверь, Васька двинулся на цыпочках обратно в свою конуру.

Надо ложиться спать, а разбираться во всем завтра. Да и куда могла деться эта фотография? Некуда ей было деваться...

Утром Васька проснулся оттого, что услышал голос Ленки.

– Да все в порядке со мной, – говорила с родителями Ленка. – У подружки заночевала. Но папа же меня встречать не захотел. Ну, ладно, я виновата, но ведь, и вы вчера на меня напустились, а за что? Еще одиннадцати часов не было... Ну, конечно, в школу пойду, куда же еще...

Пока Васька влетал в свои брюки, Ленка уже принялась за посуду на кухне. Васька не без удовольствия подумал, что по части хозяйственной жилки Ленка будет ничуть не хуже Мышки Стоматолога.

Настроение у Васьки было прекрасное. Таких результатов от вечеринки ожидать было никак нельзя.

– Привет, – улыбнулся он Ленке и пригладил выбившиеся пряди волос.

– Привет, – засмеялась Ленка. – Как спалось?

– Плохо, – хмыкнул Васька и тут же вспомнил свой сон. – Погоди-ка минуту, я сейчас...

Шаркая тапочками, Васька пошел в гостиную, взглянул на книжный шкаф, и сердце его упало. Фотографии на месте не было. Не было ее и на нижней полке. И на подоконнике. И на полу. И на диване. И на столе. И на телевизоре. И ни в одном из ящиков серванта...

– Ты как – завтракать собираешься или нет? А то... – заглянула в комнату Ленка и тут же осеклась: – Вася, что случилось?

– Да вот, – прикусил губу Васька, – вчера на этом самом месте стояла бабушкина фотография, а сегодня ее нет...

– А что – ценная фотография? – вытерла Ленка руки кухонным полотенцем.

– Офигенно! – сглотнул слюну Васька. – Если она пропала – мне кранты. Лучше бы отсюда всю мебель, библиотеку и дедову коллекцию вынесли бы, а квартиру спалили, чем это...

– Да кому она могла понадобиться? – подняла бровь Ленка. – Завалилась, наверное, куда-нибудь. Давай поищем.

Целых полчаса Васька с Ленкой вынимали из шкафа книги, а потом водружали их обратно, перетрясали накидки на креслах и диване, перекладывали бумаги на столе.

– Понимаешь, – пояснял по ходу обыска ситуацию Васька, – дед бабушку очень любил, когда она умерла, переживал страшно. А снимков ее почему-то у него не было – только единственный. Да кто про это при жизни думает. Ну вот – бабушка умерла, кинулись снимки на памятник искать, а их нет. Сделали копию с одного, который был. С тех пор дед его всегда с собой таскал. А в этот раз почему-то уехал и оставил. И фотография тут же пропала. Мистика, да?

Как ни тщательно обшаривали Ленка с Васькой всю гостиную, а вслед за ней и квартиру, никаких следов фотографии найти не удалось.

– Погоди ты расстраиваться, – успокаивала Ленка Ваську, вяло ковыряющего вилкой в месиве яичницы. – Ну, в самом деле – кому эта фотография нужна? Может это Рентген с Кальсоном решили так приколоться. Или Пудра с Мамой. Небось, сегодня в школе отдадут...

Конец апреля – начало мая выдался в том году холодным. Уже прошли праздники, а чахлую прошлогоднюю траву еще едва-едва прикрывали вихры свежей молодой зелени. Но, несмотря на то, что глубокие лужи в канавах еще хранили ледяной холод ночи, легкая, изжелта зеленоватая, дымка над деревьями ясно свидетельствовала о том, что солнце с каждым днем будет припекать все сильнее.

Васька шел в школу рядом с Ленкой и замечал, что идет гораздо медленнее, чем обычно – вчера и позавчера. Оно и понятно, когда жизнь кажется прекрасной и исполненной смысла, нет резона куда-то торопиться. Но, как не сдерживал Васька свой шаг, вскоре показался перекресток, на котором им с Ленкой пришлось разойтись в разные стороны.

Конечно, это было странно и глупо, но что оставалось делать – в школе было слишком много девчонок и даже ребят, которые больше обращали внимания на то, что происходит с другими, чем на самих себя. Васька даже зажмурился, как только представил какие версии могут родиться у Пудры в голове, если она заметит их вместе с Ленкой.

К счастью, никто кроме мелкоты из младших классов им по пути не попался...

Еще до начала первого урока Васька успел отловить за углом школы Кальсона и Рентгена.

– О-о! Буслай! – обрадовались они, протягивая ему банки с пивом: – Курнуть хочешь?

– Нет, – мотнул Васька головой и сразу перешел к делу: – Слушайте, вы вчера не видели, чтобы кто-нибудь фотографию на книжной полке трогал?

– Какую фотографию? – искренне удивился Рентген.

– На полке стояла, – терпеливо повторил Васька. – Вечером я ее хватился – нет.

– Да кому она нужна? – фыркнул Кальсон. – Из платины она что ли сделана? Ну, пропала и пропала, черт с ней. На вот лучше курни...

Так и не добившись от приятелей вразумительного ответа, Васька поспешил в класс и отозвал в сторону Маму.

– Слышь, Мама, – посмотрел он ей прямо в глаза, – ты у нас наблюдательная, все примечаешь. Не видела, вчера у меня кто-нибудь фотографию на книжной полке не трогал?

Мама выдула через намазанные красной помадой губы розовый пузырь жвачки и хищно им щелкнула. Потом она посмотрела в окно и задумалась. Чувствовалось, что подробности вчерашней вечеринки она вспоминает с огромным трудом, будто с тех пор прошло никак не менее года.

– Это ба-абка твоя что ли была-а? – наконец изрекла она, растягивая слова, словно свою жвачку. – Или мама-ан?

– Неважно, – перебил ее Васька, поскольку звонок на урок уже гремел всюду. – Видела или нет?

– Фотку видела-а, стояла она та-ам. Только кто ее стырить мог? Кому она нужна-а то?

С этим она развернулась и пошла прочь – на урок истории.

– Здра-асьте, Вера Семеновна, сесть можно? – обратилась она к невысокой худенькой учительнице истории.

– Можно, – съязвил Князь. – По статье.

– Витя, дату начала второй мировой войны, – тут же активизировалась Семеновна.

Вообще-то всех учительниц истории в школе по традиции называли Истеричками, но Вера Семеновна – на удивление спокойная и, несмотря на свою субтильную комплекцию, сильная женщина, в эту кличку никак не вписывалась. Даже самые отъявленные хулиганы не могли вывести ее из состояния холодного равновесия. Максимум, что она себе позволяла – так это взять проказника крепкими, как клещи, пальцами за ухо и вышвырнуть его в коридор. После этого она не кричала, не пила валерьянку, не бегала жаловаться к директору, а спокойно, как ни в чем не бывало, продолжала вести урок. Поэтому привычную Истеричку пришлось старшеклассникам заменить на Семеновну.

– Ну вот, Вера Семеновна, – в три приема стал вылезать из-за стола немаленький Князь. – Уж и слова сказать нельзя.

– Говори цифрами, – хитро прищурилась учительница, – я ведь тебе дату попросила назвать...

Пока Князь вился вокруг ответа ужом, Васька проскользнул на свое место.

– Нашел фотку-то? – шепнул ему Рентген.

– Нет, – мрачно отрезал Васька.

– Сегодня у нашего урока будет маленькая преамбула, – хлопнула в ладоши Семеновна, одним этим движением прекращая шепот и шевеление в классе. – Академия наук России направила в нашу школу экспериментальный учебник по курсу истории для старших классов. Учебник этот уникален – впервые в нем использованы тексты ранее секретных или закрытых для печати данных, документов, никогда ранее не публиковавшиеся фотографии. Для тех, кто в будущем решил поступать в гуманитарный вуз, новый труд наших ведущих историков станет настоящей книгой.

Рассказывая все это, Семеновна разносила пачки учебников по столам. Некоторые из ее учеников тут же принимались его листать, другие лишь хмуро покосились на обложку.

Васька, чтобы хоть как-то отвлечься от своих и радостных, связанных с Ленкой, и печальных, из-за потерянной фотографии, мыслей, тоже взял в руки новое творение академиков.

Листая книгу от конца к началу, Васька приостановился, разглядывая снимок Брежнева в спортивном костюме с внучкой на руках, Хрущева в соломенной шляпе и с кукурузой в руке что-то экспрессивно втолковывающего американским фермерам, дочь Сталина Светлану Аллилуеву, групповой портрет каких-то военных со Сталиным в центре...

Васька уже перевернул пару страниц, но какое-то странное чувство, пробравшее его холодом от лица до ног, заставило его вернуться.

На фотографии, озаглавленной «Члены советской делегации на переговорах в Тегеране. 1943 год», во втором ряду слева, почти нависая над Сталиным, был изображен никто иной, как его дед! Снимок был немелкий, ошибиться было трудно, тем более, что Васька видел несколько дедовых снимков в молодости. Но как мог дед оказаться в Тегеране в 1943 году, да еще в свите Сталина?! Ведь он всю войну работал в Иркутске, у него от фронта была бронь!

Васька знал это прекрасно, потому что когда он учился в пятом классе им к Дню Победы задали писать домашнее сочинение «Боевой путь моего дедушки». Тогда Ваське, несмотря на насмешки одноклассников, пришлось писать о бабушке, потому что дед по линии отца сгинул еще в тридцатых годах в лагерях, а дед по линии матери, как оказалось, на войне не был вовсе!

Остальные уроки Васька просидел как в тумане. За одни сутки на него обрушилось столько событий – как хороших, так и не очень, что впору было голове пойти кругом. Васька даже не заметил, как проскочили четыре урока и опомнился только на контрольной по алгебре, да и то в конце, когда Рентген, удивленный тем, что приятель и не пытается хотя бы для виду решить хоть один пример, толкнул его в бок кулаком.

Пришлось сдуть, не задумываясь какую-то муть у Пудры, которая сидела впереди и, на Васькино счастье, писала в тетради крупным, разборчивым почерком.

Наконец, Васька вышел на школьное крыльцо и ошарашено посмотрел вокруг. Было такое ощущение, что со вчерашнего вечера он постарел лет на двадцать, тогда как вся окружающая действительность осталась почему-то неизменной.

– Тебе на квартире прибраться помочь или ты сам справишься?

Васька обернулся и заискрился счастьем, как малыш в цирке при виде долгожданного фокусника.

– Ну, если тебе не в лом, – как можно незаметнее поправил Васька выбившуюся из джинсов рубашку.

– Ладно, часа в четыре зайду, – пообещала Ленка и, уже сбега по ступенькам вниз, добавила: – А ты и правда не растрепал никому про вчерашнее...

Четырех часов Васька ждал, как когда-то школьных каникул. Когда Ленка позвонила в дверь, весь мусор из квартиры уже был удален, полы (несколько, правда, наспех), помыты, а сам Васька облачен в чистую рубашку и новые носки.

– Ты что – домработницу приглашал? – недоверчиво огляделась кругом Ленка. – А я-то тогда зачем пришла?

– Просто в гости, – пожал плечами Васька. – А что – нельзя?

– Можно, – улыбнулась Ленка.

Она прошла в гостиную, подошла к книжному шкафу.

– Ну что – фотографию не нашел?

– Как в воду канула, – хмыкнул Васька. – Дед приедет – убьет. Так что пока я жив – пойдем чаю выпьем.

Ленка провела пальцем по пыльной поверхности полки и заключила:

– Халтурщица твоя домработница. Неси влажную тряпку.

Ленка подходила к процессу уборки гораздо более основательно, чем Васька. Она не поленилась вынуть все книги из шкафа и сложить их аккуратными стопками на диване.

Когда нутро шкафа было протерто влажной, а вслед за ней и сухой тряпкой, Васька начал возвращать фолианты на место. Он так торопился поскорее разделаться с уборкой, что начал таскать книги в шкаф большими стопками. Два раза это ему сходило, а в третий – башня из толстых томов накренилась и рухнула на пол.

– Вот, ешки-матрешки, – выругался Васька и стал поднимать упавшие книги.

Когда он взял в руки один из пухлых фолиантов, затянутых в кожу, в нем вдруг что-то звякнуло. Удивленный Васька потряс томом как следует, и звук повторился!

– Может застежка гремит? – предположила Ленка.

Васька осторожно положил книгу на стол, ногтем подцепил большую медную застежку и открыл титульный лист.

Поначалу, пока Васька листал страницы, книга выглядела точно также, как обычная энциклопедия. Однако за первой сотней страниц вдруг обнаружилось углубление, прорезанное в самой середине книги. На месте вырезанных страниц, от которых осталась только кайма по сторонам, оказался тайник. В нем, обернутые в бархат, лежали четыре ордена, звезда Героя Советского Союза и часы с изображением летучей мыши.

– Мне все понятно, – невинно моргнула ресницами Ленка, – твой дедушка – Бэтмен.

– Ну, а я вообще ничего не понимаю! – взорвался Васька, как банка с перебродившими огурцами. – Вначале бабушкина фотография, потом снимок с Тегеранской конференции, а теперь еще вот это! Нет, с меня хватит!

Васька сгреб в охапку телефон и заперся на кухне.

– Але, мам? У тебя опять совещание? Я тоже очень занят! Поэтому объясни мне, пожалуйста, в двух словах – кто мой дед? Ничего не дурацкие вопросы! Откуда, блин, у профессора искусствоведения, который не был на фронте, четыре ордена и звезда Героя?! Ничего не чувшь... Ну, когда я потом перезвоню... А у нас с тобой – что – не совещание? Я просто хочу знать, кто мой дед! Да не разыгрываю я тебя! Четыре ордена и звезда. И часы еще. Какого приятеля? Что – у приятеля своей книжки дома не нашлось, чтобы тайник устраивать? Ну, как хочешь, тогда я сам все узнаю! Пока!!!

– Ну, у тебя и долготерпеливая мама! Как сфинкс! – покачала головой Ленка, вторгаясь на кухню. – Моя бы за такие разговорчики уже давно по шее надавала.

Васька уже хотел было съязвить, что он безумно рад, что ее мама – не его, но тут поймал себя на мысли, что женись он на Ленке, ее мама, как раз и станет его, чему он, наоборот, будет безумно рад...

– Надо же, – продолжал кипятиться Васька, выпив третью чашку чая, – я что – не имею права знать кто мои родственники? Да хоть рецидивисты в третьем поколении – чего тут скрывать-то? Тем более, награды...

– Ну вот, вернется дедушка, у него все и узнаешь, – принялась споласкивать чашки Ленка.

– Как же, – хмыкнул Васька, – у него имени-отчества не узнаешь, пока, как клещ лесной, не вцепишься. Да и потом – не очень-то я горю желанием с дедом встречаться, пока фотографию не найду. А он в любое время может на голову обрушиться. Не верю я, что он без снимка мог уехать. Здесь он где-то, в Москве...

– Может мне тогда лучше пойти, – забеспокоилась Ленка. – А то попадет тебе.

– Ну, пожалуйста, посиди еще! – попросил ее Васька. – «Кавказскую пленницу» по телеку посмотрим. А то и так на душе тошно...

Проводив Ленку, Васька принялся за тотальный обыск дедовой квартиры. Все, что казалось ему необычным, не вписывающимся в обычный дедов образ жизни, он складывал на стол в гостиной.

Куча получилась небольшой: тут лежали большие резиновые ботфорты (а ведь дед фанатом рыбалки вроде бы не был), видеокассета (при полном отсутствии в квартире видеотехники это не могло не показаться странным), какие-то записи, сделанные дедовой рукой на арабском, чек из «МакДональдса» (дед всегда принципиально ел только дома!), пробитый билет на пользование наземным транспортом (все приятели и дедова родня жили недалеко от метро, и, кроме того, он сам – пенсионер, а общественный транспорт в Москве для пенсионеров бесплатный)...

Закончил Васька обыск глубоко за полночь и, решив разобраться со всеми подозрительными предметами завтра, завалился спать...

На утро, как Васька не торопился в школу, но вернулся с первого этажа обратно в квартиру и сунул в карман странные часы, найденные им в тайнике. Быстрыми шагами, стирая подошвы, он домчался до школы, повернул за угол и наткнулся на Рентгена и Кальсона.

– О-о! Буслай! – обрадовались они, традиционно протягивая ему пачку сигарет: – Курнуть хочешь?

– Да не курю я! – мрачно отмахнулся от них Васька. – Кальсон, отойдем в сторонку, дело есть.

Васька отвел приятеля за рукав к грибку постовой службы, сооруженного еще в те времена, когда в школе изучали курс «Начальной военной подготовки».

– Тут вот какое дело, Кальсон, – достал Васька часы из кармана. – Ты можешь у своих ребят, которые ордена-медальки продают узнать: сколько может стоить вот эта штука.

Кальсон взял часы, повертел их в руках.

– Никогда такие не видел, – признался он. – А ходят? Или чинить надо перед продажей? У меня один знакомый мастер есть...

– Ты что! – испугался Васька. – Ни в коем случае не продавай! Хоть шестисотый «Мерседес» тебе предложат! Это я так – на всякий случай, на черный день интересуюсь...

– Ну ладно, – надел часы себе на руку Кальсон. – Только вряд ли эта штука хотя бы на десять баксов потянет...

Как и следовало ожидать, за контрольную по алгебре Васька получил пару – невнимательно списывал у Пудры, которая дотянула до тройки. Но пара не очень его огорчила. Во-первых, на перемене он договорился встретиться с Ленкой в парке, а во-вторых, расследование загадок, связанных с дедом, настолько его увлекло, что остальные, пусть даже самые тревожные мысли касательно учебы, отошли прочь...

В парк Васька примчался за полчаса до условленного с Ленкой времени. А что было делать – попробуй усидеть на месте, когда такое творится – у него – свидание с девушкой!

Поймав себя на этой мысли, Васька покраснел и тревожно оглянулся – а не слишком ли явно его чувства отражаются на лице, и не следит ли кто за ним украдкой, в душе, безусловно, подсмеиваясь над сентиментальным парнем.

Но никто за Васькой не наблюдал – полная старушка в старом драповом пальто тщетно старалась оттащить внука от грязной лужи, в которой он купал плюшевого медведя, коротко стриженный парень в высоких армейских ботинках и черной куртке, скучая, перекачивал во рту жвачку, мужчина в костюме и при галстуке, сидел на скамейке и читал книгу... Никому до него, к счастью, дела не было.

– Эй, привет, я здесь!

Васька обернулся. Ну почему он все время пролопоушивает Ленку – не может увидеть ее первым?

– Ты о чем задумался?

Васька сначала немного помялся, решая соврать ли ему что-нибудь подходящее или рассказать все как есть и, в конце концов, остановился на втором варианте:

– Сильно за деда беспокоюсь. Не нравится мне вся эта история – пропажа фотографии, какие-то непонятные награды, чек из «МакДональдса»...

– погоди, – перебила его Лена, – давай попробуем во всем по порядку разобраться. Кто был тогда у тебя на вечеринке?

– Да ты всех видела – Рентген, Кальсон, Стоматолог, Князь. Из девчонок – подруга Стоматолога, ты, Мама, Пудра, Жевастик...

– Кто-нибудь из них мог знать, что фотография – это нечто для твоего деда ценное?

– Никто. Я никогда никому об этом не говорил... Уж не думаешь ли ты, что кто-то ее свистнул, чтобы деньги с меня потом слупить?

– Откуда я знаю? Я просто пытаюсь рассмотреть все версии, какими бы они не были. А что ты знаешь о девчонке, которая со Стоматологом пришла?

– Ничего особенного. Учится в соседней школе. Да она в гостиную и не заходила – сначала на кухне вкалывала, а потом к Стоматологу как прилипла, так от него до конца вечера не отходила – боялась что ли, что его другие девки сманят?

– Если бы это была шутка в стиле Князя, то фотографию бы тебе уже давно подкинули. Ну, зачем она парням?! Слушай, а может она пропала раньше, чем началась вечеринка?

– Нет, я когда в комнате прибирался, она на месте была...

Молча Васька с Ленкой дошли до конца асфальтированной дорожки, потом, как по команде, повернули и двинулись в глубь парка. Навстречу им, пронзительно вопя паровозным гудком, бежал мальчишка с мокрым плюшевым медведем, за ним – его бабушка.

– погоди-погоди... – остановился Васька. – Мы забыли одного человека. Соседка ко мне заходила, Анна Федоровна...

– Я ее не видела.

– Ты еще тогда не пришла. Она что-то про какую-то вещь говорила, которую ей у деда нужно забрать... А что она там в гостиной взяла – убей меня – не знаю.

– Но ведь кто-то из наших, наверное, там крутился. Надо у них спросить.

– И выяснить, что это была за вещь. Ах, Анна Федоровна, старая перечница!

– А может у нее с дедом твоим роман был – вот она и приревновала – и снимок украла? – предположила Ленка.

– Да что вы все как один – у деда роман, у деда роман... Не было у него никакого романа, понятно? И не мог он просто так фотографию дома забыть. Это исклю-че-но!

– Зря ты на меня кричишь, – холодно заметила Ленка. – Я всего лишь высказываю предположение.

– Извини, – выдохнул воздух всей грудью Васька. – Просто ум за разум заходит – с человеком явно что-то произошло, а никто ни сном, ни духом...

– Может быть сообщить в милицию? – робко предложила Ленка, сама понимая всю безнадёжность этого предприятия.

Васька в ответ только раздраженно поддал ногой лежавшую на тротуаре жестянку из под «Пепси».

И почему в жизни так происходит – только солнышко засветит, девушка заметит, как сразу на голову обрушиваются всякие проблемы...

– Ну, давай попробуем восстановить ход событий, разузнаем, чем твой дед занимался до того, как пропал, – тронула Ваську за плечо Ленка.

Васька остановился как столб, вкопанный в землю по самую горловину. Да-а, это не дед пропал, а он, Васька! Сладкая молния, врезавшись в его плечо, прошла тело насквозь и, вернувшись снизу, рассыпалась по голове звенящими шариками. Да, это пропал он – думал, что Ленка ему просто нравится, может быть, он в нее даже влюблен, но такое...

– Знаешь что, – пришла вдруг Ваське в голову гениальная идея: – Давай проведем следственный эксперимент. Сдается мне, что чек из «МакДональдса» не на одного был выбит. Вряд ли дед слопал такое количество еды. Давай сейчас сходим – и проверим...

– Было бы неплохо, – сглотнула слюну Ленка, – а то я не обедала... Только... Я с собой денег не взяла.

– Ерунда, – бодро заявил Васька. Как хорошо, что он догадался взять с собой часть денег, скопленных им на компьютер!

Подгоняемые голодом, Васька и Ленка быстрым шагом двинулись к метро...

В «МакДональдсе» было немногочисленно и потому у нескольких касс были опущены верхние крышки, свидетельствующие о том, что они не работают. От этого, правда, возникли очереди к другим кассам, что почему-то очень возмутило Ваську.

– Свободный клиент! Свободный клиент! – забубнил он, барабанив пальцами по стойке.

– Вась, прекрати, – возмутилась Ленка. – Стой спокойно, как все!

Но Васькину выходку уже успел заметить менеджер и тут же, будто ниоткуда, как контролер в электричке, за стойкой возникла симпатичная девица в фирменной бейсболке:

– Добрый день, что будете заказывать?

Васька, удовлетворенно хрюкнув, полез в карман за дедовым чеком и быстро его просмотрел. Значилось на нем вот что:

Описание	Цена	Количество	Итог
----------	------	------------	------

—

БОЛ ЧАЙ	4500	2	9000 о
---------	------	---	--------

РОЯЛ ЧИЗБ	12000	1	12000 о
-----------	-------	---	---------

ЧИЗБУРГЕР	6500	1	6500 о
-----------	------	---	--------

apple	6000	2	12000 о
-------	------	---	---------

СТД КАРТОФ	5000	2	10000 о
------------	------	---	---------

КАПУЧИНО	5000	2	10000 о
----------	------	---	---------

—

Итог	59500		
------	-------	--	--

Оплата РУБ 60000

—

Сдача РУБ 500

—

3579 6 Наименован.

Кассир # 324 Номер заказа #38

Фискальная печать 00002775

Приятного аппетита!

— Дайте нам, пожалуйста, два большущих чая, – стал Васька считывать заказ с чека, – один «Роял Чизбургер», один – простой... А это что такое? – показал он непонятную строчку кассирше.

Та посмотрела на него, как на ошизевшего олигофрена, сбежавшего из сумасшедшего дома, но ответила:

– Яблочный пирожок... Два... И стандартная картошка... Два...

– Вот всех их и давайте, – спрятал Васька чек в карман. – И капучино этого – тоже.

– Капучино нет, есть только обыкновенный кофе.

– А почему? – спросил настырный Васька.

– У нас его не готовят.

– А где готовят?

Девушка уже открыла рот, чтобы ответить Ваське то, что она хотела, но, заметив краем глаза менеджера, расплылась в улыбке:

– Может быть на «Пушкинской»?

Васька протянул деньги, кассирша мелкими купюрами отсчитала сдачу.

– Приятного аппетита, приходите к нам еще! – скороговоркой выдала девушка, пододвигая Ваське заказ.

– Ну и работенка у них! – вздохнул Васька, приземляясь за свободный столик. – «Приходите к нам еще»! Да если я еще к ним раз приду, она же мне лично пирожок с цианистым кальцием изготовит!

– А ты не выпендривайся, – засмеялась Ленка.

Сверив чек деда со своим заказом и основательно потрудившись над бутербродами, Васька, отдуваясь, откинулся на спинку стула:

– Эксперимент можно считать удавшимся – один дед столько съесть не мог.

– Так, может быть, версия о том, что у него появилась дама сердца не так уж нереальна?

– Не-ет, – добродушно возразил Васька. – Он бы ее домой повел, лично что-нибудь приготавливал. Он знаешь какой борщ может замастырить – ни одна девушка не устоит. Раз он пошел в «МакДональдс», значит, он хотел поговорить с кем-то наедине, но не приводить этого человека к себе домой.

– Уф, наелась, – допила кофе Ленка. – Следующий следственный эксперимент – с меня.

– Да брось ты, – махнул рукой Васька.

Ну как ей объяснить, что он готов кормить ее гамбургерами хоть сто пятьдесят лет подряд, лишь бы она, как сейчас, сидела с ним рядом?

– Пойду руки помою, – бросила салфетку на поднос Ленка. – Встречаемся у выхода.

Васька некоторое время посидел за столиком, а потом решил, что успеет заскочить в туалет.

Следуя за указателем, он спустился по лесенке в подвальное помещение, открыл дверь и огляделся.

Чувствовалось, что здание ремонтировали совсем недавно и – капитально. На кафельных плитках не было никаких наскальных надписей. Ни металлисты, ни панки, ни рэперы еще не успели начертать лозунги, превозносящие свое движение и всячески хаявшие соперников.

Пол блистал. В кранах у раковины вода не подтекала. Не успел Васька нарадоваться на успехи капиталистов в поддержании чистоты, как в туалете погасли лампы.

Через секунду узкая полоска света рассекла темноту – кто-то вошел из коридора. Не успел Васька оглянуться, как мощный удар по голове отбросил его к стене. От неожиданности Васька присел. Это спасло его от следующего выпада – судя по звуку, от которого дрогнула стена – били ногой.

Васька, резко распрямившись, ринулся к выходу. Он ударил кулаком наугад и попал во что-то кожаное и металлическое, больно оцарапавшее ему руку. Его противник оказался точнее – третий удар пришелся Ваське прямо в челюсть.

В глазах у Васьки вспыхнули бенгальские огни, тело обмякло, словно из него выпустили воздух, ноги подкосились, и он рухнул на пол.

Медленно приходя в сознание, он чувствовал, как его переворачивают с боку на бок и шарят в карманах. Наконец, он услышал как хлопнула дверь, и этот звук немного привел его в себя. Васька стал подниматься, и тут в туалете вспыхнул свет. Васька рывком отворил дверь. В коридоре никого не было.

Пошатываясь, он побрел к умывальнику и включил холодную воду. Затылок раскалывала тупая ноющая боль. Руки тряслись. В скулу словно вкатили большую свинцовую сливу. Подбородок саднило.

Кое как приведя себя в порядок, Васька двинулся наверх.

Лена стояла у входа в «МакДональдс» и недоуменно озиралась.

– Ты где был? Я уж думала, что ты ушел... – набросилась она на Ваську, но тут же осеклась, увидав на его подбородке свежую ссадину. – Кто это тебя... так?

– Знал бы прикуп, дал бы в морду, – потрогал лицо Васька и поморщился. – Сходил в туалет, называется. У них тут, наверное, дополнительная услуга такая. Для тех, кому в гамбургерах не хватает соли, перца, а в жизни – острых ощущений.

– Чего от тебя хотели? Кто? Расскажи толком...

– Да не видел я ничего... Свет погас. Кто-то вошел и сразу на меня напал. Потом карманы обшарил.

– Тогда понятно, – вздохнула Ленка. – Наркоман...

– Вряд ли. Денег-то он не взял...

– Да-а? – удивилась Ленка. – А что тогда?

– Сейчас посмотрю.

Васька добросовестно вывернул карманы. Купюры, мелочь, жетоны на метро были в целости и сохранности. Старая квитанция из прачечной, кассета с «Металликой», ключи от квартиры – все было на месте, даже часы.

– Странно, – пробормотал Васька. – Чего же ему нужно было?

Пройдя шагов пять, Васька вдруг остановился и начал перетряхивать карманы вновь. Он методично вывернул наружу все отделения куртки, внимательно обшарил карманы на джинсах, но того, что искал, не нашел:

– Дедов чек из «МакДональдса». Исчез только он, – упавшим голосом прошептал Васька. – За нами, выходит, кто-то следил... Иначе откуда он мог знать в какой карман я сунул бумажку после того, как мы ее рассматривали.

– Это какой-то дурдом! – возмутилась Ленка. – Пропадают почему-то вещи, которые для посторонних людей никакой ценности иметь не могут. Может за нами какой-нибудь псих увязался? Но почему – фотография? И чек?

– А вдруг – это не единственные вещи, которые его – или их? – интересуют?

– Что еще? У деда в квартире что-то ценное?

– Еще бы, – кашлянул Васька, намекая Ленке, что в метро громко говорить не стоит. – Жутко древние изразцы. Коллекция холодного оружия, тоже очень старого, между прочим.

Какие-то свитки на арабском – он за них вообще трясется, будто они на тысячедолларовых купюрах напечатаны. Книги. Рисунки, картины... Но пропадают почему-то не они.

– Чек из «МакДональдса» имел отношение еще к одному человеку, – задумчиво накручивала локон на палец Ленка, пока эскалатор бережно нес их в подземное чрево Москвы. – Он мог понадобиться ему, чтобы замести следы. Значит...

– ... нужно его найти, – подхватил ее мысль Васька. – И начать с того самого заведения, где подают кофе «Капучино»...

Приехав к деду на квартиру, Васька первым делом начал трезвонить в дверь Анны Федоровны. Но старушка не открывала – то ли ее не было дома, то ли затаилась.

Васька вернулся к себе и плюхнулся на диван. Ну и дела! Что еще можно сегодня предпринять?

Первым делом он решил проинспектировать свои финансы. Выяснилось, что на светские развлечения он ухнул клавиатуру от несостоявшегося пока компьютера. Васька грустно хмыкнул, но делать ничего не оставалось – пришлось отнять от своих сбережений еще несколько приятно хрустнувших купюр.

Покончив с неутешительным подведением баланса, Васька подошел к столу и положил в конверт бумаги на арабском и использованный талон. Немного поколебавшись, он засунул конверт под обложку учебника по алгебре и кинул тот в свой рюкзак.

Теперь предстояло спрятать видеокассету, что было не так просто. Вначале Васька пробовал ее пристроить где-нибудь на антресолях или в духовке на кухне, но понял, что эти места были не самыми надежными. Тогда он достал из рюкзака видеокассету с фильмом Ван Дамма «Некуда бежать», которую ему дал посмотреть Рентген и, вздохнув – поскольку за испорченную кассету придется платить из компьютерных денег – поплелся на кухню.

Чайник вскипел быстро, и Васька принялся отпаривать наклейку на кассете с боевиком. Таким же образом он отлепил наклейку с кассеты деда. Аккуратно поменяв наклейки местами, Васька поставил лже-кассету на книжную полку, а настоящую забросил в рюкзак.

За окном на город наплывали сумерки. Васька открыл дверь балкона и шагнул на воздух. Он перегнулся через перила и сплюнул вниз. Потом стал рассматривать окна дома напротив. Лампочки в нем то зажигались, то гасли, образуя причудливый, завораживающий узор. Васька облокотился о перила и глубоко задумался.

Потом он еще раз меланхолично сплюнул вниз и решил перед тем, как сесть за уроки, пойти прогуляться. Он натянул на ноги ботинки, завязал шнурки и, не поставив квартиру на сигнализацию, хлопнул дверью.

На улице ночь стремительно растушевывала тени, темнота скрадывала углы домов, растворяла в печальном муаре весеннего вечера обрубленные кроны деревьев и еще не одетые в листву кусты.

Повернув направо, Васька неторопливо зашагал по асфальтированной дорожке. Во дворе простуженно чихнул и завелся чей-то мотоцикл. Васька автоматически обернулся на звук, зевнул, да так и остался с открытым ртом. На приступочке детской песочницы, будто кого-то поджидая, сидел тот самый парень, которого он видел, когда искал Ленку в парке. Ошибиться было трудно – та же куртка, то же лицо, только теперь вместо жвачки у парня во рту была сигарета. Придя в себя от изумления, Васька щелкнул зубами и быстро отвернулся. Выходит – за ними, действительно, следят. Но только кто – и зачем?!

Ускорив шаги, Васька двинулся через двор напрямик к тому углу, где стояли гаражи. Краем глаза он заметил, как парень встал, потянулся, взглянул на часы, будто так и не дождался того, кто назначил ему встречу.

Васька обогнул гаражи. Тут же, нырнув за один из них, он стал пробираться по темному переходу между ржавыми задами гаражей и шершавой бетонной стеной примыкающей ко двору школы.

Дойдя до первого угла, Васька осторожно выглянул налево – в узкий, заваленный досками, старыми шинами прогал между двумя гаражами. Парня в кожаной куртке видно не было. Аккуратно, чтобы не шуметь, Васька проскочил опасную зону и проверил следующий прогал. Прячась за третьим гаражом, он, наконец, увидел как через двор быстрыми шагами, в том направлении, где исчез он, Васька, шел Кожаный.

Теперь следовало поторопиться – с тем, чтобы Кожаный его не заметил. Перепрыгивая через мусор, ржавые кастрюли и прохудившиеся радиаторы машин, Васька вылетел на простор. Подобрал с земли толстую суковатую палку со следами зубов какой-то нехилой собаки, он двинулся вслед за Кожаным.

Честно говоря, он четко не представлял себе, что будет делать, если Кожаный вдруг разгадает его маневр и повернет обратно, но на всякий случай решил бить первым. Теперь Васька был твердо уверен, что это – тот самый парень, который напал на него в «МакДональдсе». Недаром ему тогда запомнилось, что он ткнул кулаком во что-то кожаное и металлическое.

Присев на одно колено, Васька выглянул из-за гаражей. Кожаный стоял недалеко – метрах в ста – и озирался кругом. Было видно, что ему стало досадно из-за того, что он упустил Ваську. Пнув со злобой какой-то камешек, Кожаный пошел вдоль улицы. Стараясь скрыться в темных местах, Васька последовал за ним.

Кожаный остановился у таксофона, порылся в карманах и стал накручивать телефонный диск. Васька побоялся приближаться к нему близко и о чем был разговор не слышал. По позе Кожаного было видно, что он перед кем-то оправдывается. После втыка он, вероятно, получил новые инструкции, потому что несколько раз кивнул и даже что-то записал в блокнот.

После этого Кожаный решительно двинулся к метро. За ним, как пришитый, пробирался Васька. Не рискуя соваться в метро со своей суковатой дубиной, он сунул ее в урну.

В подземном переходе Кожаного уже не было. Васька занервничал, заторопился и из-за этого чуть не испортил все дело.

Отодвинув ногой качающуюся на сквозняке дверь, Васька выскочил в светлый холл станции. К счастью, Кожаный повернулся к нему спиной, и потому Васька, сделав вид, что он завязывает шнурок, успел спрятаться за приткнутой к стенке поломоечной машиной.

Кожаный стоял у закрытых, по причине позднего времени, авиакасс и изучал расписание рейсов. Что-то для себя выяснив, он сунул в турникет магнитный билет и прошел на станцию. Васька было ринулся за ним, но вспомнил, что выскочил из дома без денег. Можно было, конечно, проскользнуть на перрон мимо турникета или просто перепрыгнуть его, но, встретившись взглядом со злобными зрачками хорька, вышедшего на охоту – со зрачками контролерши, Васька решил этого не делать.

Он проводил взглядом спину Кожаного, и поезд, который унес его в сторону центра. Теперь нужно было возвращаться домой.

Дед, дед – во что же ты влип?!

Утром Васька первым делом решил посетить угол, где его приятели обычно пускали дым по ветру.

– О-о, Буслай! – раскрыл ему объятия Рентген. – Курнешь?

Однако друг Рентгена – Кальсон – был настроен не так лучезарно. Отведя Ваську в сторону, Кальсон быстро сунул ему в руку часы, с таким видом, будто это была граната со взведенным взрывателем.

– Ну что?

– Ничего, – цыкнул зубом несколько побледневший Кальсон. – Ты где это взял?!

– А что? – искренне удивился Васька.

– Пиджак через плечо, – сплюнул Кальсон. – У меня из-за твоих часов чуть все деловые контакты не накрылись. Принес я часы своим ребятам, вот, мол, хоть не часы с кукушкой, а с мышой, но, может быть, и их можно толкнуть? Они как про мышь услышали, переглянулись и говорят: «А ну, покажи». Даже в руки брать не стали, издалека рассматривали. А потом мне допрос первой степени устроили – не брал ли я из того же источника, что и часы, остальные побрякушки, которые я им продавал. Всего наизнанку вывернули, сволочи. И наказали, чтобы я у тебя ничего на продажу не брал, хоть орден Победы предлагать будешь... И вообще, – помялся Кальсон, – советовали держаться от тебя подальше... Я так ничего и не понял, домой пришел, дай, думаю, у деда спрошу...

Дед Кальсона – отставной генерал авиации, держал семью в строгости, а потому сам Кальсон, зная за собой грехи – и немалые, предпочитал с дедом видаться как можно реже. Васька понял, что раз он обратился к нему за помощью, да еще и в такой щекотливой ситуации, значит, он здорово перетрухнул.

– Дед тоже, как только на часы взглянул, стал про тебя выспрашивать, – нахмурился Кальсон. – Оказывается, что эта летучая мышь – эмблема ГРУ – Главного разведывательного управления.

– ФСБ, что ли? – не понял Васька.

– ФСБ, – фыркнул Кальсон. – ФСБ – это, считай, бывший КГБ. А ГРУ – это армейская разведка. Круто так, что круче не бывает. Узнай грушники, что кто-то часы с их эмблемой продает или, того хуже, медали того, кто у них работал – голову бы отвернули, а вместо нее – ведро помойное бы приставили. Ты мне поверь – это мне дед сказал, а он такими вещами не шутит... Слушай, а у тебя-то эти часы откуда?

– Да так, взял у одного приятеля, – уклонился Васька от ответа.

– Отдай ты их обратно, – наклонился к Ваське Кальсон. – Отдай, пока беды не случилось.

Васька внимательно взглянул на Кальсона и понял, что орденосный генерал авиации не только прочел внуку лекцию на познавательные темы, но и как следует пропесочил ему мозги проверенными солдатскими методами.

С Ленкой перед уроком Ваське переговорить не удалось – он влетел в класс вместе со звонком. Он лишь успел на нее посмотреть. Ленка чуть заметно покачала головой, призывая его – на виду у всего класса – соблюдать осторожность. Пришлось, скрепя сердце, сесть на место и слушать в пол-уха хвастливые байки Рентгена о том, как тот вчера в беседке детского сада пил пиво с Веркой из 10 «А».

– Интересно, – подумал Васька, – что осталось бы от знаменитых очков Рентгена, узнай Верка, что она, оказывается, вчера вечером не сериалы по ящику смотрела, а пиво пила...

Поход в «МакДональдс» с «капучино» сожрал треть звуковой платы «Sound Blaster» и никаких результатов не принес.

Ленка сразу не поверила, что кто-нибудь из суесящихся за стойкой юношей и девушек может вспомнить клиента, который приходил сюда, возможно, всего один раз. Но Васька решил попробовать и стал расспрашивать девчонок в униформе – не видел ли кто из них седого старика, стриженного «под ежик», одетого, скорее всего, в костюм с галстуком и черный плащ.

Никто Ваське ответить не удосужился. Лишь одна девушка открыла было рот, но соседка – длинноногая белобрысая девица – зыркнула в ее сторону и, обронив: «Захлопнись! А то вылетишь отсюда как «макчикен»!», тут же отбила у нее охоту болтать с клиентами на посторонние темы.

– Так они ничего не скажут, – решительно подвела итог этому эксперименту Ленка. – Надо поискать выход на них через знакомых и разговаривать, конечно, не на работе. Возможно,

тут я смогу помочь – мне одна девчонка говорила, будто ее подружка то ли в «Русском бистро», то ли в «МакДональдсе» подрабатывает...

– Я тебе вот еще какие новости не рассказал, – двинулся Васька, увлекая за собой Ленку вдоль бульвара. – По-моему, мой дед такой же профессор искусствоведения, как я – американский кенгуру. По крайней мере, думаю, это не единственная его профессия. Он еще в военной разведке, оказывается, подрабатывает. По-совместительству, вероятно. И еще – не считай меня придурком, но за нами следят.

– Кто?

– Ну, не могу же я пальцем показать, – хитро прищурился Васька. – Нам выгодней, чтобы он не догадывался, что мы знаем как он за нами шпионит. Давай, я сделаю вид, что хочу тебя поцеловать. А ты в это время посмотри мне за спину. Я прозвал его Кожаный. Он коротко стрижен, в черной куртке, джинсах и ботинках со шнуровкой.

– Хорошо... Давай попробуем, – замялась Лена.

Васька осторожно взял за талию Лену и нерешительно ткнулся губами ей в щеку. Господи, да за это мгновение он бы сам нанял этого парня, чтобы тот ходил за ними по пятам целыми днями!

– Ты прав, – с трудом, будто находилась не в своей тарелке, ответила Лена. – Он шел за нами быстрым шагом и вдруг решил на скамейку присесть.

– Я его вчера вечером во дворе засек. Это он меня тогда, в «Маке» по башке стукнул.

– Вот гад, – возмутилась Ленка.

– Черт с ним, – махнул рукой Васька. – Встретимся на узкой дорожке – отыграюсь. А пока нам несколько вещей нужно выяснить: куда мог дед ездить на трамвае, троллейбусе или автобусе? С кем ходил в «МакДональдс»? Что записано на видеокассете, которую я нашел в квартире? И о чем говорится в рукописи на арабском?

– Кассету можно у меня посмотреть, – предложила Лена и, увидев Васькино замешательство, добавила: – Не бойся, никого дома нет – все на работе.

– Да я и не боюсь, – храбро заявил Васька.

– Тогда тем более. Пошли, – потянула его Лена в сторону метро. – И давай попробуем аккуратно оторваться от нашего шпиика.

Подходящий случай им представился почти что сразу. Когда они сбежали по эскалатору, то увидели, как по перрону растекается толпа только что приехавших пассажиров.

– Осторожно, двери закрываются! – донеслось до них из-за угла.

Васька, схватив Ленку за руку, протаскил ее сквозь толпу и, придерживая левой ладонью закрывающуюся дверь, втиснулся в вагон. Краем глаза он успел заметить Кожаного, который застрял в людском водовороте и злорадно усмехнулся: сейчас побежит докладывать хозяину и получит еще один втык.

Ленкина трехкомнатная квартира Ваське вначале не понравилась – уж больно все тут было чисто и аккуратно – совсем как у деда. Но, попав в Ленкины апартаменты, почувствовал себя дома.

В комнате был уютный беспорядок. На полированном столе, в окружении кассет и компакт-дисков, возвышался музыкальный центр. В одном углу расположился телевизор с видеомангнитофоном, а другой гордо занимала гитара. Разъехавшаяся стопка любовных романов в мягком переплете валялась на ковре. Там же стоял телефон. На стенах, тесня друг друга, висели плакаты кинозвезд. Разглядев среди них Жана-Поля Бельмондо и Чака Норриса, Васька почувствовал укол ревности.

– Располагайся, – шлепнула свою сумку на пол Ленка. – Я пока пойду чайник поставлю.

Пока Васька вытаскивал из своего рюкзака видеокассету, Ленка шуровала на кухне. Вскоре она появилась с подносом в руках. На нем стояли две чашки, две вазочки с вареньем,

лежали шоколадные конфеты, мармелад и салфетки. Васька все это оценил, и Чак Норрис вместе с Бельмондо были прощены.

Ленка поставила поднос на табуретку и из завала учебников извлекла пульт от телевизора. Экран «Sony» вспыхнул и некая жизнерадостная девушка стала распространяться о трех правилах, которых должна придерживаться каждая женщина. Ойкнув, Ленка переключила телевизор на канал «Видео».

На кухне засвистел чайник.

– Поставь пока кассету, – попросила Ленка и умчалась выключать газ.

С довольным урчанием видеоманитфон проглотил кассету. Вначале на экране не было ничего, кроме «снега», а затем засветились символы в виде буквы «Х» и пятиконечной звезды и пошли титры.

– «Центрнаучфильм», – с удивлением прочитал Васька, – «По заказу Министерства народного образования СССР». «Отроги Тянь-Шаня».

– Ничего себе, – прокомментировала Ленка. – Нам что-то подобное показывали – в третьем классе. Правда, уже цветную ленту.

Васька согласно кивнул:

– Теперь таких фильмов в школах нет. Их же на кинопроекторах крутили. Значит, это копия из какого-нибудь «Госфильмофонда». Думаю, ее не так просто было сделать – киноплёнку на видео в домашних условиях не перекатаешь...

– Отроги Тянь-Шаня, – бодро начал вещать голос диктора, с трудом пробиваясь сквозь патетическую музыку, – часть мощного горного массива, охватывающего кольцом Ферганскую долину...

Смотреть ленту было интересно – возникало такое ощущение, что перед тобой старинные фотографии с незнакомыми, но от этого отнюдь не менее интересными людьми.

На видеокассете было записано несколько фильмов – про отроги Тянь-Шаня, пустыню Каракумы, архитектуру средневековой Бухары... Некоторые из них длились не до конца – вероятно деду нужны были из этих картин только определенные куски.

– Ясности от этого больше не стало, – разочарованно вздохнул Васька, когда кассета тихо щелкнула и автоматически начала перематываться на начало, – однако будем эту информацию иметь в виду...

Из всех загадок, связанных с дедом, Ваську особенно интересовал трамвайный талон. Почему Васька решил, что талон был пробит именно в трамвае, он не знал, но мысленно он так его и именовал – «трамвайный талон». Так ли это было на самом деле – проверить было сложно, но необходимо.

Вначале Ленка и Васька решили, что, скорее всего, талон был использован кем-нибудь из приятелей деда на одном из трамваев, троллейбусов или автобусов, что ходили в его районе. Мало ли что случилось – почувствовал человек себя плохо или сумка тяжелая в руках была – вот он и воспользовался общественным транспортом. Вот только где это было? И что там делал дед с приятелем? И кто он – этот приятель? Не москвич? Не пенсионер?

Гипотезы останутся гипотезами, пока не получат подтверждение. Ленка взяла на себя автобусы, Васька – полюбившиеся ему трамваи и, вооружившись выданными из школьной тетрадки листками, ребята разошлись на охоту.

Встретились они в шесть часов вечера, на квартире у деда.

– Ничего похожего, – махнула Лена перед Васькой бумагой, испещренной проколами от компостеров.

– А у меня квитанция за штраф, – кисло улыбнулся Васька, памятуя о том, что сумму штрафа придется вычесть из «компьютерных денег».

– Троллейбусы проверять будем? – осведомилась Ленка.

– Бесплезно это, – вздохнул Васька. – Я тут разузнал – в Москве только одних автобусных маршрутов больше пятисот. А сколько там автобусов ходит... Тут что-то другое придумать надо...

– Надо, – кивнула Ленка. – А пока – поедим.

– Сейчас, я колбасы нарубаю, – полез Васька в холодильник.

Лена с холодным изумлением наблюдала за его манипуляциями. Васька, не замечая ее реакции, кромсал колбасу крупными ломтями и шлепал ее на толстые куски черного хлеба.

– И часто ты так питаешься? – зажгла конфорку Ленка.

– М-м-м, – кивнул Васька, оттяпав зубами от бутерброда огромный кусок.

– До ста пятидесяти лет ты так точно не дотянешь, – улыбнулась Ленка. – Давай что ли хотя бы яичницу с колбасой пожарим... Не знаю как насчет других блюд, но в этом деле я вроде специалист.

– Постой-постой, – проглотил бутербродный ком Васька. – Специалист! Вот кто нам может помочь! Рисунок от компостера может помнить только тот, кто проверяет билеты – контролер! Ты заметила, что некоторые из них, когда ловят «зайцев» к компостерам, чтобы сделать контрольный оттиск, даже не подходят. А почему? Да потому что они все компостеры на своем маршруте наизусть знают! Вот у кого спрашивать надо, – победно махнул своей квитанцией на штраф Петька.

– Точно! – подхватила его мысль Ленка. – А я даже знаю с кого можно начать! У нашей Мама дядя, кажется, контролером чуть ли не всю жизнь вкалывал. Она нам как-то рассказывала про него – странный, мол, субъект. Он один раз Маму в трамвае без билета застукал, так знаешь что сделал? Оштрафовал!

– Свою племянницу?!

– Ну!

– Кремень старик! – присвистнул Васька. – Этот, наверное, точно из старой гвардии, работает давно.

Васька хотел было немедленно броситься на поиски Мама, но Ленка удержала его и заставила сначала съесть яичницу и выпить чай.

Хотя Васька ел яичницу, вероятно, в тысячный раз, сегодня она показалась ему особенно вкусной. То ли действительно Ленка ее научилась готовить виртуозно, то ли он проголодался, то ли просто уже становился пристрастным к Ленкиной стряпне...

Когда с обедом было покончено, Васька было бросился к телефону, но Ленка его осадила:

– Я готовила, ты – помой сковородку и тарелки!

Васька хотел было вначале возмутиться или просто засклалировать грязную посуду до тех времен, когда ему ужасно захочется что-нибудь срочно помыть, но потом подумал, что Ленкины слова были справедливыми и потому, засучив рукава, пошел к мойке.

Ленка тем временем набрала домашний телефон Мама:

– Здравствуйте. Я могу с Машей переговорить? Ушла? А давно? Понятно, спасибо большое...

– Мама у Кочерыжки, – сообщила Ленка. – Пойду их навещу, может быть что-нибудь удастся разузнать.

– Ладно, – нехотя согласился Васька. – А я пока соседку посторожу...

Кочерыжка жила в маленькой двухкомнатной квартирке, которая по габаритам не превышала метраж кухни ее приятеля Бакса. Но поскольку у Кочерыжкиных родителей детей больше не было, то ей выделили отдельную комнату, в которой она обычно и устраивала свои мини-девичники.

Ленку впустила в квартиру Кочерыжкина мама. Когда Ленка зашла к подружке в комнату, та живо обернулась, и ее заинтересованный разговор с Мама тут же оборвался.

Ленка поняла, что девчонки только что перемывали ей кости, но сделала вид, что ничего не заметила.

– Привет, девчонки, – плюхнулась она на диван и подхватила какой-то женский журнал.

– Привет! – захопотала вокруг нее Кочерыжка. – А мы тут с Мамой сидим, скушаем...

– Да-а, – подтвердила Мама, – скуотища-а...

– На историю завтра пойдем? – спросила Ленка, стараясь заполнить паузу.

– Неохота-а, – зевнула Мама, – но придется. Мои ста-арые просто пасут меня ближе к концу го-ода. Скоро за ру-учку водить бу-удут.

– Эх, предки они все такие, – постаралась перевести разговор на интересующие ее рельсы Ленка, – принципиальные... Как твой дядя, ну, помнишь, который тебя оштрафовал?

– Ко-озел, – смачно выдала Мама. – Придурок.

– Он еще работает или на пенсии? – как бы между прочим поинтересовалась Ленка.

– Рабо-отает, что с ним сделается, с пне-ем старым, – накрутила себе кудряшку на палец Мама.

– На твоих маршрутах? – хитро подначила ее Ленка. – Смотри, еще раз поймает!

– Не пойма-ает, – кинула в рот жвачку Мама. – У меня сейчас один па-арень наклеивается. С та-ачкой. Будет от подъезда до подъе-езда меня возить, или я – не я-а...

– Ой, а я этого дядьку недавно видела, – вдруг оживилась Кочерыжка, которая до этого молчала, переживая по поводу неудачной покупки кофточка на Лужниковском рынке. – Такой представительный, брюнет, никогда бы не подумала, что такой контролером в автобусе может работать...

– Кто-о?! – изумилась Мама. – Мой дя-адька брюнет? Да он лы-ысый, как шар бильярдный. И на автобусах никогда не работал, все по трамва-аям. Брюне-ет, скажешь тоже-е. Мой маленький, такой, невзра-ачный. Так бы ногтем и перешиби-ила, да мама-ан потом вся лекциями изойде-ет... Квитанцию-то хоть твой брюнет тебе выписал?

– Какую квитанцию? – захлопала глазами Кочерыжка.

– Все поня-атно, – чмокнула жвачкой Мама. – Жулик он твой брюне-ет. На пузы-ырь, наверное, не хватало, вот он таких дур, как ты и вышел подои-ить...

Поскольку Мама отличалась бесцеремонностью, ни Кочерыжка, ни Ленка на ее обидные реплики не обратили ровно никакого внимания. Вскоре разговор трех подружек перекинулся на последние новинки моды и на косметику. Проболтав больше, чем предполагала, Ленка, наконец, оторвалась от своих одноклассниц и заспешила к телефону-автомату.

– Вася, это я! – объявила она, как только Васька поднял трубку. – Мне тут кое-что удалось разузнать. Мамин дядя, действительно, работает контролером в ее районе.

– Чей мамин? Мамин или – мамин?

– Да нет, ну не моей мамы, а нашей Мамы!

– А-а, у нас уже общая мама! – хохотнул Васька.

– Да ну тебя! – рассердилась Ленка. – Я тебе о серьезных вещах, а ты...

– Ладно-ладно, – поспешил успокоить ее Васька. – Постараюсь больше таких шуточек не допускать. У меня тут тоже новости кое-какие есть. Я соседку свою расколол.

Как ты ушла, я все по коридору маршировал – чтобы услышать, когда она в магазин вытряхнется или мусор пойдет выносить. Ходил-ходил, чуть голова кругом не поехала, вдруг – слышу! Дверь открывается. Я – наружу. Выходит Анна Федоровна, собственной персоной. Я к ней – и сразу на «пушку» взял, мол, зачем Вы бабушкину фотографию взяли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.